
РОДНАЯ
ЧУЖАЯ
Роман. Книга I
Людмила Лисовская

Людмила Лисовская

Родная чужая

«Автор»
2026

Лисовская Л.

Родная чужая / Л. Лисовская — «Автор», 2026

Трилогия романа. Книга 1. История о природе человеческой близости. Мы привыкли считать родными тех, с кем нас связывает семья и кровь, и зачастую именно от этих людей меньше всего ожидаем предательства. Но жизнь иногда заставляет заново ответить на вопрос: что действительно делает человека родным — происхождение, формальное родство или любовь, доверие и поступки?История главной героини охватывает около тридцати лет. Это не только история её личных отношений. Вместе с ней меняется время, страна, профессиональная и семейная жизнь, взрослеют дети, появляются новые люди и исчезают те, кто когда-то казался неотъемлемой частью её мира. События, которые в момент, когда они происходят, могут показаться случайными или незначительными, спустя годы приобретают совсем другой смысл.Первая книга является одновременно самостоятельной историей и началом более масштабного повествования о семье, близости, предательстве и цене, которую человек иногда платит за собственные иллюзии.

© Лисовская Л., 2026
© Автор, 2026

Родная чужая

РОДНАЯ ЧУЖАЯ

Бесчувственность – торжество равнодушия,
отчуждённости и холодности.
Бывает лед сильней огня,
Зима – порой длиннее лета,
Бывает ночь длиннее дня
И тьма вдвойне сильнее света.
Бывает сад громаден, густ,
А вот плодов совсем не снимешь….
Так берегись холодных чувств,
Не то, смотри, застынешь.
Иосиф Бродский

Книга 1

Вопреки всему она долгие годы отдавала самое дорогое, что у неё было. Тому, кто однажды станет её врагом.

И ни разу об этом не пожалела.

Это произошло накануне весеннего праздника 8 марта. Вернее, это случилось намного раньше, но она ни о чем не подозревала. Все, чем она жила последние 25 лет рухнуло в один момент, и еще до конца не осознав этого, она завыла от непонимания причины, обиды, внезапности, уже понимая, что ни прошлого, ни настоящего нет и казалось, что будущего – не будет.

Глава 1

Никто не хотел ее появления на свет. Но она родилась.

Все случилось так неожиданно и так не вовремя! Если бы она знала заранее, что ей предстоит, сто раз подумала … хотя вряд ли поверила бы, что подобное вообще может с ней произойти.

— Вы беременны.

Ей двадцать лет. Она только окончила институт, получила первую работу. Впереди была целая жизнь — путешествия, книги, друзья, любовь. Она собиралась поступать в аспирантуру, строить карьеру, жить интересно и свободно.

Ребёнка в этих планах не было. Узнав о беременности, она испытала шок, страх, отчаянье и нестерпимое желание немедленно всё исправить.

В ярости она прожила взрывную смесь эмоций, которые с трудом поддаются контролю и анализу. Выйдя от врача, она бежала по улице, размазывая по щекам злые,

обжигающие слезы, не

замечая прохожих.

— Господи, ну почему сейчас? Почему со мной?

Потом, обессилев, опустилась на лавочку в арбатском дворике, колотя себя по коленкам и ругая себя самыми последними словами. Прохожие, замедляли шаги, оглядываясь, рассматривая девушку, но подойти никто не решался – слишком много отчаянья исходило от нее., что отталкивало людей сильнее любого крика.

Ей хотелось вернуться в кабинет, потребовать повторного осмотра, услышать, что произошла ошибка. Что всё это неправда. Но ошибки не было.

Мила вытерла слёзы. Попыталась представить себя с ребёнком на руках — и испугалась ещё сильнее. Она совершенно не умела обращаться с детьми. Не знала, как их кормят, купают, успокаивают. Да и не хотела пока ничего этого знать. Но ребенок уже был внутри. Эту простую мысль невозможно было ни прогнать, ни отменить.

— Ну и что мне теперь с тобой делать?

Ответа, разумеется, не последовало. Но решение пришло именно в эту минуту. Она не станет делать аборт.

И вдруг вместе со страхом пришла другая мысль: «На меня будут показывать пальцем и презирать…»

Она усмехнулась: «Ну и пусть, на сохранение репутации не стоит тратить нервы, для всех хорошей не станешь и пусть меня осуждают, но я не буду избавляться от ребенка, и пусть будет, что будет, я смогу вынести все!“

Эти слова прозвучали неожиданно даже для нее самой. Как решение, которое уже невозможно изменить.

Мила из дворика вышла на Арбат, купила бутылочку Пепси-модный напиток, ставший символом новой эпохи после Олимпиады. Торжественно выпила до дна и вдруг, сама не понимая почему, улыбнулась.

Но, как и большинство женщин того времени, она оставалась в плену: у мнения родителей, мужчин, подруг, работы и холодного, давящего общественного осуждения.

В двадцать лет Мила была уверена, что мир устроен честно.

Если работать — обязательно получится.

Если любить — обязательно взаимно.

Если никого не предавать — и тебя не предадут.

Она еще не знала, что жизнь – штука странная, живет по своим законам.Изменщики ждут верности…Лжецы ищут правду….

И не подозревала, что самый главный урок ей предстоит получить.

Мила шла по Арбату, и город, казалось, менял свои очертания. Старые московские переулки, еще вчера бывшие декорациями для её легких романов и беспечных прогулок, вдруг стали казаться декорациями к пьесе, где ей досталась главная роль, но сценарий она должна была писать сама.

Страх не исчез — он просто трансформировался. Из панического ужаса перед «концом света» он превратился в холодную, почти осязаемую решимость.

Мила поправила волосы, отразившись в витрине магазина. На неё смотрела всё та же девушка — с глазами, в которых пряталась целая вселенная. Но теперь в этом взгляде появилась новая глубина, та самая, что отличает человека, который перестал ждать разрешения на жизнь.

Она еще не знала, что впереди — долгие месяцы борьбы, бессонных ночей и попыток доказать миру, что она имеет право быть такой, какая есть. Она знала, что будет трудно, но что так…..

Она не знала, каким будет этот ребенок. Она не знала, кем станет она сама через год. Но она точно знала одно: она больше не будет прятаться. Она будет жить так, чтобы каждый её шаг был её собственным, а не продиктованным страхом перед чужим одобрением

Мила развернулась и пошла прочь от Арбата, в сторону дома на Якиманке, где её ждали вопросы, на которые она уже была готова дать ответы.

Москва 1980 года -период застоя, когда большинство москвичей жили по схеме „дом-работа-очередь - дом“. На покупку мебели и бытовой техники люди копили месяцами, на покупку мебели — годами, а покупка личного автомобиля для большинства оставалось недостижимой мечтой. Квартиру ждали 15-20 лет. В очередях читали книги, учились, знакомились, решали дела, а иногда даже влюблялись и расходились. Очереди стояли за одеждой, обувью, мясом, мылом, молоком…. – за всем, что нужно человеку для нормальной жизни.

И, впервые, Мила задумалась обо всем этом. Жилья своего нет, денег нет, работать только начала, толком ничего не умеет, да что там работа! Был четкий план дальнейшей жизни, мечты, непрочитанные книги, неизведанные города и страны, яркая и вечная любовь. И всему конец – ребенок выбрал именно меня!

Мир вокруг оставался прежним —предсказуемым, требующим правил и подчинения. Но внутри неё уже прорастал другой мир, где она была не объектом обстоятельств, а их творцом. И вдруг появилось ощущение, что она наконец-то начала дышать полной грудью. Она была готова к тому, что её жизнь перестанет быть легкой, но она впервые была готова к тому, что она станет настоящей.

Мила шла пешком через Каменный мост к родителям на Якиманку и, чем ближе подходила к родительскому дому, тем больше сжималось сердце.

Мама категорически настаивала на аборте, плача, она причитала: «Вы не женаты, он тебе - не пара, тебе нужно поступать в аспирантуру…».

Папа отмахнулся: «Я не собираюсь становиться дедом, я еще молодой, у меня жизнь только начинается».

Младший брат Гарик смотрел с презрением и какой-то ехидной ухмылкой.

Их реакция была на удивление синхронной: каждый из них защищал свой собственный мир.

И только одного человека — того, кто уже начал биться внутри— здесь словно не существовало.

Никто из них не спросил, чего хочет она. Никто не посмотрел ей в глаза.

Мила молчала, но в глубине души нарастало чувство протеста: неужели никому не нужен ее ребенок? никто не рад, никто не ждет! Она уже представляла себе крошечную, почему-то непременно рыжую девочку, и это видение лишь укрепляло решимость рожать вопреки всему.

Когда она твердо объявила о своем решении, мама лишь залилась слезами и выкрикнула: "На меня не рассчитывай!"»

Эти слова ударили больнее, чем она ожидала.

— Я и не рассчитывала, — тихо ответила Мила, хотя внутри всё сжалось от ледяного ужаса. Это была неправда. Она очень рассчитывала.

Это было единственное, что она могла сейчас противопоставить этому предательству. Она развернулась и вышла из комнаты

За окном начинался серый московский вечер, город равнодушно шумел за стеклом, не подозревая, что в этой квартире только что решилась судьба двух человек. Мила знала: пути назад больше нет. Мосты сожжены, и теперь ее жизнь превратилась в узкую тропинку, по которой ей предстояло идти в одиночку, не оглядываясь на тех, кто предпочел остаться в безопасности на другом берегу.

Оставалось одно – идти к будущему отцу ребенка. Она пошла в прихожую собираться. Каждое движение отдавалось в висках пульсирующей болью, но слез не было — их место заняла странная, почти осязаемая решимость. Она не чувствовала себя жертвой, скорее — солдатом, который только что получил приказ идти в наступление.

Из комнаты доносилось дыхание мамы. Та не вышла, не попыталась остановить, не спросила, куда Мила собирается.

Она подошла к входной двери и на секунду задержалась, оглядываясь. Квартира, где она выросла, вдруг показалась ей декорацией к чужой, давно закончившейся пьесе. Здесь жили самые родные люди, которые больше не имели к ней никакого отношения.

— Я ухожу, — негромко сказала она в пустоту коридора. Ответа не последовало.

Мила приехала к отцу своего будущего ребенка, чтобы поделиться важной новостью. Когда он открыл дверь, на его лице промелькнуло удивление, сменившееся искренней радостью. Мила, не теряя времени, прямо с порога рассказала о беременности, надеясь увидеть ответный восторг. Но реакция оказалась ледяным душем.

Он помрачнел и вяло, как-то обреченно, пряча глаза, промямлил: «Думай сама, мне все равно», и в этом равнодушии было больше жестокости, чем в крике. это был отказ от ответственности.

В этот момент Мила поняла: “я осталась совершенно одна».

С отцом будущего ребенка Мила познакомилась на работе, куда ее направили по распределению после окончания института на должность прораба, а он был главным инженером строительного управления - царь и бог.

А ведь всё могло сложиться иначе. Получив диплом, Мила пришла к отцу — человеку влиятельному, с обширными связями и неограниченными возможностями. Она надеялась, что он поможет ей устроиться в престижное учреждение, подконтрольное его ведомству. Но отец был непреклонен: «Пойдешь туда, куда направят! Мне никто не помогал, я всего добивался сам — и ты давай сама».

Так Мила получила направление на стройку в центре Москвы, где ей предстояло с нуля возвести шестиэтажный медицинский комплекс. В свой первый рабочий день она, полная предвкушения взрослой жизни, приехала в управление на такси. Мила выглядела безупречно: красивое голубое платье, босоножки на шпильках, распущенные золотистые волосы и тонкий шлейф любимых «Клима».

В отделе кадров, восседая над столом ее встретила женщина весомых достоинств, с огромной халой на голове и ярко накрашенным оранжевой помадой ртом. Увидев Милу, она всем своим видом продемонстрировала крайнюю степень пренебрежения и скомандовала: «Что застыла? Бегом на объект, тебя проводят, потом придешь, все подпишешь! Боже, кого присылают на мою голову!»

Мила вышла в коридор и стала ждать сопровождающего. Подпирая стену, она разглядывала унылую обстановку, обшарпанные стулья возле дверей кабинетов, на которые страшно было присесть, какие-то плакаты и правила техники безопасности, развешанные по стенам. Оптимизма поубавилось и появилась неуверенность: «Зачем я здесь? Как все будет?»

К ней подошел мужчина средних лет, вертлявый, маленький и приветливо прошепелявил: «Ты, сто ли, молодой специалист? Пойдем, показу твое хозяйство! Не боись, все будет нормально. Я – мастер на соседней стройке, стало быть, будем вместе работать!»

Огромный строительный участок был огорожен забором, который отделял чистый московский проспект от непролазной грязи, раскисшей глины, сложенных то тут, то там, строительных материалов. Слева стояли две строительные бытовки: для прораба и рабочих, почти всю площадь участка занимал глубокий котлован, на дне которого, по колено в воде, копошились мужчины в рабочей одежде. Пытаясь пробраться до бытовки, Мила, на своих шпильках, по лодыжку увязла в грязи, с трудом делая шаги по скользкой глине и, глядя на испорченные единственные босоножки, на забрызганное голубое платье, чуть не плакала: «Вырядилась! Я думала буду сидеть красивая в теплой конторе, а меня – в эту грязищу! Не хочу…» Навстречу им из бытовки вышел мужчина и, приблизившись к Миле, с улыбкой произнес: «Каких красивых крановщиц нам присылают!» Мила, задохнувшись от негодования, что ее приняли за крановщицу, прошептала: « Я – инженер, у меня есть диплом, буду работать прорабом» и, зачем- то, добавила: « три года ». Мужчина притворно удивился и засмеялся: Инжене-е-р? Ну тогда –другое дело! Прошу!» - и распахнул дверь в бытовку. В бытовке было темно, грязно и холодно, везде лежали папки и чертежи, немытые чашки, помятый серый чайник на плитке, печатная машинка и сейф.

Они уселись за стол напротив друг друга. Мужчина представился: «Меня зовут Андрей Иванович, я –главный инженер. Теперь рассказывай, где училась, что умеешь, почему пришла работать сюда». Он включил допотопную настольную лампу и Мила, придя в себя и уже не думая о грязных ногах, испачканном платье, внимательно посмотрела на своего начальника. Андрей Иванович был красив: узкое лицо, прямой нос, красиво очерченные губы, синие глаза, высокий, стройный и совершенно… седой. Седина казалась неуместной– он выглядел очень молодым. Мила не удержалась:

-А сколько Вам лет?

- Тридцать один. А тебе?

- Двадцать.

- Ты очень красивая!

- Вы – тоже.

Они рассмеялись и стали рассказывать друг другу о себе, об институте – оба учились на одном факультете, о предстоящей работе и обо всем на свете. они не заметили, как пролетело время. Лишь когда рабочие, заглядывая в бытовку, начали прощаться, они с удивлением осознали: рабочий день подошел к концу. Они проговорили целый рабочий день!

Пришел ночной сторож и нужно было освободить ему помещение. Оглядев Милу, Андрей Иванович сказал: «В таком виде по Москве ездить нельзя, я тебя отвезу домой. Выйдя на проспект, он остановил такси и довез Милу до дома.

- До завтра, не опаздывай.

- До завтра, спасибо, что проводили.

На следующее утро, ровно в полседьмого, Мила уже стояла у дверей бытовки. Одетая по-простому — джинсы, свитер, кроссовки, волосы в хвосте — она безуспешно пыталась справиться с разболтанным замком, ключ от которого ей вчера вручил Андрей Иванович.

Внезапно сзади раздались шаги и знакомый голос:

— Давай помогу! Молодец, вовремя пришла.

Обернувшись, она увидела начальника, уже переодетого в рабочую робу. В руках он держал большой холщовый мешок. Открыв дверь, он шагнул внутрь и протянул мешок ей:

— Это тебе.

Мила с любопытством заглянула внутрь и похолодела: там лежали огромные черные резиновые сапоги и телогрейка болотного цвета.

— Надевай, здесь по-другому нельзя, — бросил он и вышел, оставив ее одну.

Мила переоделась. Как ни странно, и сапоги, и телогрейка оказались точно впору. Ей было ужасно интересно, как она выглядит в этом наряде, но зеркала в бытовке, конечно, не было. Вернувшийся Андрей Иванович окинул ее с ног до головы взглядом, в котором плясали смешинки, и пробормотал:

— Ну, хотя бы не простудишься. — А затем добавил уже серьезнее: — Сегодня я весь день буду с тобой, введу в курс дела. И первое правило: все, чему тебя учили в институте, — забудь!

Так начались ее рабочие будни — тяжелые, но захватывающие. Мила быстро поняла, насколько теория далека от практики. Рабочие поначалу не принимали ее всерьез: пытались подкалывать, грубовато шутили, задавали дурацкие вопросы и даже саботировали распоряжения. Но после первой же зарплаты, которую Мила сама рассчитала и выдала до копейки, их отношение изменилось. Шутки кончились, и молодого прораба начали уважать.

Сложнее всего было привыкнуть к условиям. Пошли дожди, стало холодно, по утрам уже подмораживало, а целый день приходилось проводить в сыром котловане. Непросто давались и бои за своевременную поставку техники и материалов на свой объект. Но настоящим испытанием стали подсобницы, которых присылали на расчистку территории. Эти женщины, приехавшие в Москву из провинции, жили в неустроенных общежитиях и вкалывали на самых грязных работах за гроши. Озлобленные на весь мир, они видели в Миле личного врага и отыгрывались на ней, как только могли.

Однажды утром, когда дождь превратил дно котлована в вязкое месиво, одна из них — дородная женщина с обветренным лицом по имени Рая— демонстративно высыпала кучу строительного мусора прямо на свежевыставленные маяки, которые Мила с таким трудом выверяла накануне.

Мила, чьи пальцы онемели от холода, а сапоги насквозь промокли, почувствовала, как внутри закипает ярость. Она медленно выпрямилась, опираясь на лопату, и посмотрела на Раю. Та, уперев руки в бока, вызывающе ухмылялась, ожидая привычной истерики или жалобы Андрею Ивановичу.

— Рая, — голос Милы прозвучал непривычно низко и твердо, перекрывая шум дождя. — Ты сейчас берешь лопату и перекидываешь всё это обратно в контейнер. До обеда. Если хоть один камешек останется здесь — я лично вычту из твоей ведомости стоимость рабочего времени всей бригады, которая будет это переделывать. И поверь, я найду способ оформить это как порчу материалов.

Женщина опешила. Она привыкла к тому, что «белоручки» из офиса либо плачут, либо бегут жаловаться начальству, либо просто молча уходят. Но Мила не ушла. Она стояла, в грязи, в своей нелепой телогрейке, и смотрела на нее так, будто была готова сама взяться за лопату, если та откажется.

— Ты чего, девка, совсем страх потеряла? — прошипела Рая, делая шаг вперед.

— Страх я оставила в институте, — отрезала Мила, не отводя взгляда. — А здесь у нас график. И если ты хочешь получить свои деньги в конце месяца, ты будешь работать по моим правилам. Либо ты убираешь, либо завтра поедешь туда, откуда приехала. Выбирай.

Вокруг воцарилась тишина. Рабочие, до этого лениво наблюдавшие за сценой, притихли. Андрей Иванович, стоявший чуть поодаль у вагончика, незаметно усмехнулся и отвернулся, делая вид, что изучает чертежи. Он понял: сегодня Мила окончательно перестала быть «девочкой с дипломом» и стала прорабом.

Рая еще несколько секунд сверлила ее ненавидящим взглядом, но, увидев в глазах Милы холодную решимость, сплюнула под ноги и молча потянулась за лопатой.

В тот вечер, когда Мила, едва переставляя ноги от усталости, зашла в бытовку, чтобы переодеться, она впервые за долгое время почувствовала странное удовлетворение. Она знала, что завтра будет новый день, новые проблемы и, возможно, новые конфликты. Но она также знала, что теперь она здесь — хозяйка. И эта промокшая насквозь телогрейка стала для нее не просто униформой, а настоящей броней.

Мила уставала до изнеможения: после работы у нее не оставалось сил даже переодеться. В сапогах и телогрейке она добиралась до дома, с трудом доползала до душа и тут же проваливалась в сон.

Выспаться не удавалось еще и потому, что каждый вечер в бытовку заглядывал Андрей Иванович — якобы проверить, как идут дела. Они подолгу сидели за чаем и бесконечными разговорами. Однажды он пригласил Милу в кино, затем в театр, а потом и к себе домой. В любви он объяснился в своей обычной манере: немного надменно, сдержанно, даже суховато. Но его глаза смотрели на Милу с таким восхищением, что она поверила ему.

Миле он казался невероятно взрослым, умным, особенным. Его уверенная, с ноткой едва уловимого высокомерия, манера держаться и привычка стильно и дорого одеваться не могли оставить ее равнодушной. Нельзя сказать, что она влюбилась, но он ей определенно нравился, и рядом с ним она чувствовала себя защищенной.

Его отец был греком, мать — полукровкой, а вырос он в Грузии. Себя он считал настоящим греком и очень этим гордился. Грек с грузинским воспитанием — адская смесь, но Мила тогда этого еще не знала. Он снисходительно относился к ее привычкам, непосредственности и капризам, считая ее совсем юной. Не уставая, он говорил о своей любви и ее красоте, называя ее «Милочка» и на «ты». Она же обращалась к нему исключительно «Андрей Иванович» и на «Вы». Он злился и просил: «Ну скажи "Андрей", скажи "ты"», но Мила не могла выдавить из себя эти простые слова.

Андрей настойчиво уговоривал ее переехать к нему в небольшую квартиру в ближнем Подмосковье. Это решение далось Миле нелегко, тем более что с ними должен был жить его

друг Георгий. Впрочем, все звали его на грузинский манер — Гиви. Он был из тех, кому невозможно отказать: красавец, балагур, душа компании, готовый в любой момент прийти на помощь и отдать последнюю рубашку.

Гиви приехал в Москву из Тбилиси, поступил в один институт с Андреем. Рано осиротев, он один поднял на ноги младшего брата, женил его, оставил ему родительскую квартиру и уехал покорять столицу с пустыми карманами. Правда, на четвертом курсе учебу он забросил — ушел на поиски себя и больших денег. В карманах у него было то густо, то пусто, не имея постоянного жилья, он жил у Андрея. Андрей, который был на пять лет старше и относился к нему с покровительственной нежностью, помогал, если было необходимо

После ухода от родителей Мила наконец переехала к Андрею. Вопреки ее опасениям, жизнь втроем оказалась на удивление легкой и веселой. Однако вскоре она заметила, что большую часть времени проводит не с Андреем, а с Гиви. Они вместе ходили за продуктами, дурачились на кухне во время готовки, спорили, чья очередь мыть посуду. Его влюбленный взгляд становился все более откровенным, и Мила, хоть и не подавала виду, чувствовала, как ей это льстит.

Когда она рассказала о беременности, реакция Гиви была поразительной. Он подхватил ее на руки и закружил по комнате, громко распевая что-то на грузинском. А потом вдруг замер, поставил ее на пол и заглянул в глаза с незнакомой доселе серьезностью.

— Выходи за меня, — твердо сказал он. — Я усыновлю его. Он будет моим ребенком.

— Гиви, ты в своем уме? — выдохнула Мила, отступая на шаг.

— Абсолютно. Я люблю тебя, и ты не пожалеешь, если выберешь меня.

— Но это ребенок Андрея! Я выйду замуж за него.

Его лицо помрачнело.

— Не делай этого. Ты совершаешь ошибку.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что ты его совсем не знаешь. Он не такой, как тебе кажется…. Я не могу объяснить... Просто поверь мне. С ним ты будешь несчастна.

— Это было бы предательством, — покачала головой Мила, хотя его слова задели какую-то струну в ее душе.

— Ты боишься, потому что я бедный? — с горькой усмешкой спросил он. — Да, у меня сейчас ничего нет. Но ради тебя я достану звезду с неба. Я никогда не попрекну тебя прошлым, и никто ничего не узнает. Просто дай мне шанс. Подумай.

— Прекрати! — резко оборвала его Мила. — Я поговорю с Андреем о свадьбе сегодня же.

— Хочешь поспорить, что он даже не обрадуется?

— Еще как обрадуется! — с вызовом ответила она.

Тем же вечером, собравшись с духом, Мила подошла к Андрею, который смотрел телевизор.

— Нам нужно пожениться, — сказала она так твердо, как только смогла.

Он даже не повернул головы.

— Надо, так надо, — бросил он в экран и больше не произнес ни слова.

Комнату заполнила оглушительная тишина, нарушаемая лишь бормотанием диктора. Мила стояла посреди нее, отчаянно пытаясь найти объяснение его ледяному равнодушию. «Он просто не готов сейчас, — убеждала она себя. — Растерялся. Конечно, он думает о свадьбе, о будущем...» Но в глубине души уже шевелился холодный, липкий страх.

Мила еще долго стояла в дверном проеме, вглядываясь в затылок Андрея, словно надеясь, что он вот-вот обернется, улыбнется и скажет что-то теплое. Но он так и не шелохнулся. В комнате пахло остывшим чаем и чем-то неуловимо чужим, хотя это была их общая квартира.

Гиви, который все это время тихо сидел в углу на кухне, вышел в коридор. Он не стал ничего спрашивать — по лицу Милы все было понятно. Он просто подошел к ней, осторожно коснулся ее плеча и, не дожидаясь ответа, молча ушел в свою комнату, плотно прикрыв дверь. В этом жесте было столько понимания и боли, что у Милы к горлу подкатил ком.

Ночью она долго не могла уснуть. В голове крутились слова Гиви: «Ты его не знаешь». Она вспоминала Андрея: спокойного, рассудительного, всегда знающего, как поступить. Разве мог такой человек быть плохим? Разве мог он не хотеть ребенка? Разве он мог врать, что любит? Она убеждала себя, что это просто мужская сдержанность, страх перед ответственностью, который свойственен многим. «Он просто не умеет выражать чувства», — шептала она в темноту, пытаясь заглушить голос интуиции, который настойчиво твердил обратное.

Утром Андрей ушел на работу, даже не посмотрев на нее, не сказав ни слова. Он был подчеркнуто сосредоточен и холоден, как лед. Мила осталась одна в пустой комнате. Тишина давила. Она подошла к окну, глядя на серые подмосковные многоэтажки, и вдруг поймала себя на мысли, что боится следующего вечера.

В дверь постучали. Это был Гиви. Он выглядел осунувшимся, но в глазах светилась та же странная, почти фанатичная решимость.

— Ты ведь понимаешь, что это только начало? — тихо спросил он, не входя в комнату. — Если ты останешься с ним, ты разучишься смеяться. Я не хочу, чтобы ты разучилась смеяться

— Почему ты так уверен, Гиви? — Мила обернулась, и в ее голосе впервые прозвучали слезы. — Что ты знаешь такого, чего не знаю я?

Гиви помедлил, словно взвешивая каждое слово. Он подошел ближе, и Мила увидела, как сильно дрожат его руки.

— Я знаю, почему он на самом деле настоял на переезде, — сказал он, и в его голосе послышалась горечь. — И я знаю, почему он так отреагировал на новость о ребенке. Он не просто не обрадовался, Мила. Он испугался. Но не ответственности. Он испугался того, что теперь ты привязана к нему.

Мила замерла. В воздухе повисло тяжелое молчание. Она хотела возразить, хотела крикнуть, что он ошибается, но слова застряли в горле. В этот момент она поняла: Гиви не лжет. И этот холод, который она чувствовала от Андрея, был не просто усталостью. Это было что-то гораздо более страшное.

Тем временем Гиви окружил Милу неустанной заботой. Он где-то раздобыл фрукты, икру и другие лакомства, стал привозить ей на работу готовые обеды, приговаривая: «Тебе надо хорошо кушать. Что еще хочешь?»

Каждый вечер после работы он уводил ее гулять в парк.

— Дыши, — говорил он. — Осенний воздух, совсем как у нас в горах.

В это же время Андрей обычно сидел дома перед телевизором.

Гиви больше не заводил разговоров о свадьбе, но и не избегал их, хотя уже нашел себе отдельное жилье. Он по-прежнему оставался рядом.

Каждый день это трио — Мила, Андрей и Гиви — по полчаса тряслось в переполненном автобусе на работу и обратно. Андрей, криво усмехаясь, подтрунивал над соперником:

— Любишь кататься, да? Зачем с нами так рано едешь, смотрел бы сейчас сны красивые…

Но Гиви упорно провожал Милу и утром, и вечером, бдительно ограждая ее от толчков толпы.

Вскоре Милу начал мучить токсикоз, и эти поездки стали для нее невыносимы. Тогда Андрей договорился о съемной квартире, но предварительно сообщил Гиви, что хозяин ставит условие: проживание только для двоих. Миле показалось, что Андрей сделал это не столько ради нее, сколько чтобы избавиться от Георгия. Впрочем, она тут же отмахнулась от этой мысли: «Глупости, он заботится обо мне. При чем здесь Гиви?»

Новая квартира находилась всего в десяти минутах ходьбы от работы. Она принадлежала высокому полицейскому чину, и в ней раньше жила его замужняя дочь. После развода дочери квартира пустовала. Обстановка была роскошной: красивая импортная мебель, мягкие кожаные кресла и белый кожаный диван — настоящая редкость по тем временам! Сверкающая, оборудованная всевозможной техникой кухня, просторная ванная и огромная лоджия — живи и радуйся. Особенно Милу поразил огромный белый пушистый ковер в гостиной — ноги в его мягком ворсе утопали по щиколотку. А платить за все это нужно было сущие копейки: только за коммуналку и консьержке.

Однако после переезда все изменилось. Андрей стал замкнутым и раздражительным. Любая мелочь могла стать причиной его многодневного молчания. Мила часто не понимала, что послужило поводом, чтобы не разговаривать с ней несколько дней подряд. Но она не заморачивалась и не выясняла отношений. Сил на это просто не было: с раннего утра до позднего вечера она носилась по стройке, закрывала наряды рабочим, вела сложнейший объект. Ей было не до размышлений, почему Андрей сегодня не сказал ей ни слова. А может, она просто привыкла к такому отношению еще с детства.

Она оправдывала Андрея: устал, работа, нервы. Она сама приходила домой выжатая, как лимон, и единственным ее желанием было упасть на этот самый белый ковер и забыться сном.

Но однажды вечером, когда она вернулась со стройки чуть раньше обычного, она застала Андрея дома, хотя он должен был быть еще на работе. В комнате пахло табаком, хотя Андрей никогда не курил в квартире.

— Ты чего так рано? — спросил он, даже не повернув головы. В его голосе было глухое раздражение.

— Выполнили план быстрее, — ответила Мила, снимая пальто. — Андрей, у нас все в порядке? Ты какой-то… чужой.

Он медленно поднялся, подошел к нейи долго смотрел на нее, не произнеся ни слова.

— А ты чего ждала? - и в его глазах она увидела холод, от которого стало не по себе. — Ты беременна, тебе все время что-то нужно, а я… я просто хочу тишины.

Мила замерла. Она вспомнила, как Гиви каждый вечер звонил ей на работу, чтобы узнать, не слишком ли она устала, как приносил ей яблоки, как смотрел на нее — с той самой немой преданностью, которую она так старательно игнорировала.

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — тихо спросила она.

Андрей усмехнулся, той самой кривой усмешкой, которую она видела в автобусе, когда он подкалывал Гиви.

— Я хочу, чтобы ты поняла: никто не будет носить тебя на руках . Даже твой грузинский рыцарь скоро поймет, что ты — это просто женщина, каких много.

В этот момент в дверь позвонили. Она подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной клетке, в полумраке подъезда, стоял Гиви. Он выглядел встревоженным, в руках у него был пакет с продуктами, как обычно.

Мила открыла дверь.

— Гиви? Ты что здесь делаешь? Ты к Андрею?

Он не ответил, лишь внимательно посмотрел ей в глаза, словно пытаясь прочесть в них что-то, чего она сама еще не осознала.

— Я принес тебе гранаты, — сказал он тихо, не входя в квартиру. — Ты сегодня бледная была на объекте. Мила, скажи мне правду… он тебя обижает?

Мила обернулась. Андрей стоял в дверях гостиной, скрестив руки на груди, и смотрел на них с нескрываемым презрением. В воздухе повисло тяжелое, липкое напряжение, которое невозможно было игнорировать.

Глава 2.

Она не знала, что любовь может быть просто так. Для нее она долго была результатом усилий

Мила выросла в семье, которая закалила её характер, но оставила в душе глубокий след. Её мама, внешне мягкая и нежная, обладала железной волей. Она исправно выполняла материнский долг: кормила, одевала, покупала книги и игрушки, даже купила пианино, решив, что девочка из приличной семьи обязана играть на рояле. Но в этом «правильном» воспитании не было тепла. Мама не баловала дочь объятиями или душевными разговорами. «Учишься для себя», — отрезала она, когда Мила пыталась показать дневник. «Не забивай мне голову своими глупостями», — отвечала, когда девочка хотела поделиться событиями дня. Не наряжала в красивые платья, говоря: «главное не то, что на тебе, а то, что в голове». Совсем иначе обстояли дела с младшим братом Гариком. Его мама не спускала с рук, целовала и баловала любимыми лакомствами. На обиженные вопросы Милы о несправедливости она лишь гладила сына по голове: «Я люблю вас одинаково, просто он маленький». Разница в отношении была разительной. Мила с пяти лет ходила в детский сад сама, а Гарика мама водила за ручку до самого порога. Мила в пять лет сама научилась читать, а брату мама с удовольствием читала вслух.

Она делала с ним уроки, наряжала в красивые костюмчики и всегда вставала на его сторону в детских ссорах. «Ты его любишь больше» - обижалась маленькая Мила. «Я люблю вас одинаково, но он же – маленький» - отвечала мама, поглаживая братика.

Гарик был тихим, хрупким и послушным — «удобным» ребенком. Мила же, несмотря на внешнюю хрупкость, росла взрывной, артистичной и любопытной. Мама от неё откровенно уставала, часто повторяя: «Лучше иметь десять Гариков, чем одну тебя!».

Мила отчаянно пыталась заслужить одобрение. Она стала круглой отличницей, звездой музыкальной школы, занималась спортом и помогала по дому. Она жила в надежде, что однажды мама увидит, какая она замечательная, обнимет и похвалит. Но каждый раз, когда Мила приносила свои успехи, мама находила кого-то «лучше»: то Лену, то Марину. Даже когда Мила указывала на свои идеальные оценки, мама лишь равнодушно пожимала плечами: «Ну и что? Она всё равно умница».

В конце концов, Мила решилась на отчаянный шаг. Она специально получила двойку по математике и с вызовом принесла дневник матери. Но та даже не взглянула на страницу, лишь равнодушно отодвинула тетрадь:

— Мне это не интересно. Для себя учишься

Да, мама была равнодушна к дочери. Да, она исправно выполняла свои обязанности: кормила ее, учила, ухаживала, если Мила болела. Однако, при этом, совершенно отсутствовала необходимая маленькой девочке связь с мамой. Со стороны такого рода равнодушие может быть совершенно незаметным. Никто и не замечал. Мама прилюдно хвалила дочь и хвасталась ее успехами. Когда же «аудитория» пропадала, она не только не обращала никакого внимания на успехи или переживания дочери, но и постоянно занижала ее самооценку при общении с

ней. Любая девочка с самого юного возраста воспринимает мир через призму материнского безразличия или материнской нелюбви. И пытается, как правило, всю жизнь заслужить внимание и любовь матери. Эта «гонка за призраком» становится фундаментом сначала детской, а потом и её взрослой жизни.

Мила никогда не винила свою маму — она винила себя. В её детской логике, если мама не любит, значит, «я недостаточно хороша», «я сделала что-то не так». Этот внутренний критик, поселившийся в сознании еще в ранние годы, продолжает шептать свои ядовитые установки даже тогда, когда Мила стала взрослой женщиной. Она может быть успешной, красивой и независимой, но внутри неё всё еще живет та маленькая девочка, которая с замиранием сердца ждет одобрительного кивка от той, кто так и не научилась её видеть.

Отец всегда был на работе. Он - умный, амбициозный, энергичный самостоятельно строил свою карьеру и в 28 лет был главным инженером закрытого военного завода. У него была персональная машина с водителем, у них в квартире стоял единственный на весь подъезд телефон и только у них был телевизор. Когда он купил личный «Москвич», вся улица прибежала посмотреть на голубое чудо. Отец был красавец! Высокий, мощный, обаятельный, общительный. Но дома был суровый, жесткий, грубый. Глядя на Гарика, восклицал: «Мой сын! Моя гордость!» и, показывая на Милу, разводил руками: «А это что?» За малейшую провинность он наказывал дочь, часто довольно жестоко. И никогда не наказывал сына. Мила, со временем научилась не показывать вида, что ей больно, обидно, стараясь не заплакать. Думала: «Вот бы умереть, и тогда они пожалеют, что не любили меня» или «Вот вырасту, и они увидят, что я многого добилась и будут мной гордиться». Отец, также, как и мама, не особенно интересовался учебой и делами дочери. Мила жила вольно, ее свободу не ограничивали, необходимые потребности удовлетворяли.

Летом она гуляла с соседскими детьми сколько хотела и где хотела, зимой – лыжи, каток, санки, пока глаза не начинали слипаться и, почти уснувшая, она плелась домой. Родители, не спрашивая, где она была, ее наскоро кормили и укладывали спать. При этом Мила, очень сильно любившая родителей, никогда не делала того, чтобы им за нее было стыдно. Какой-то внутренний стержень, чувство собственного достоинства, гордость не позволяла ей лгать, совершать дурные поступки, плохо учиться. Повзрослев, она не изменила своим принципам, просто научилась обуздывать свой темперамент, свои желания. Это делало ее сильней и самостоятельней. Она очень старалась добиться родительской любви.

В подростковом возрасте, когда хотелось красиво одеваться, она, после безуспешных попыток выпросить модную юбку или брюки, в которых щеголяли все ее подружки, научилась шить и шила себе такие наряды, что те же подружки были уверены, что отец привозит ей их из-за границы.

Она всегда ставила себе цель и шла к ней до результата. Научиться танцевать? Записывалась в танцевальный кружок (благо, все кружки были бесплатными). Боялась прыгать на лыжах с трамплина? Тренировалась (на беговых лыжах- тогда еще не было горных) и прыгала! Решить теорему Ферма? Два раза в неделю посещала по вечерам математическую школу и серьезно занималась математикой. Когда подруги начали учить английский язык, Миле родители отказались оплачивать курсы (зачем? Весь мир будет говорить по-русски!), а бесплатных курсов английского языка в Москве не было, Мила очень расстроилась и стала искать подработку.

Этот характер — не просить, а создавать возможности — стал ее главным жизненным кредо. Она усвоила важный урок: отсутствие помощи — это не тупик, а лишь повод проявить изобретательность. Позже, когда жизнь ставила перед ней куда более серьезные задачи, чем покупка модной юбки или оплата курсов, Мила уже не искала оправданий. Она знала: если чего-то очень хочется, значит, нужно просто найти способ это осуществить. И каждый раз, когда перед ней закрывалась одна дверь, она не ждала, пока откроют другую, а брала в руки инструменты и открывала третью дверь

Гневаться, высказывать критические замечания, выражать несогласие, недовольство было для нее недопустимым в детстве.

В семье ее всегда за это ругали или наказывали, поэтому она научилась скрывать свои чувства, желания и претензии, ибо дорожила родительской любовью. Подавляя их в себе, она искренне считала их непозволительными. И поэтому во взрослой жизни, когда эти эмоции вновь всплывали на поверхность, она считала, что они недостойные, при этом даже не старалась найти первопричину этих эмоций.

Постоянно запрещая себе выражать отрицательные эмоции, она копила их внутри, пока они не достигали критической точки. Тогда случался эмоциональный взрыв — бурный, безоглядный и разрушительный. А после него снова наступало долгое, изнуряющее терпение…. До следующего раза.

Глава 3.

Здесь не ищут любовь. Здесь ищут фундамент. А фундамент не должен дышать — он должен просто нести на себе вес. Ты либо станешь камнем в основании, либо будешь выброшена вон. Третьего не дано.

На новогодние праздники Андрей огорошил Милу новостью: они летят в Грузию, к его родителям. Мила, никогда прежде не бывавшая в этой стране, с восторгом начала собирать чемоданы. И это несмотря на то, что накануне врач, изучив результаты анализов, предупредил её об угрозе выкидыша. Доктор настоятельно советовал покой, прогулки и полный отказ от тяжестей — словом, всё то, что обычно говорят в таких случаях.

«Конечно, — подумала Мила, — ведь я же еду отдыхать!»

Грузия зимой поразила её: повсюду цвели розы, воздух был пропитан густым ароматом южных растений, а яркое солнце слепило глаза.

Вокруг кипела жизнь: люди улыбались, громко и эмоционально перебрасывались фразами.

- Э, Манана, ты что, машину купила?

- Нет, с чего ты взяла?

- А чего тогда не здороваешься?

Счастье, счастье….

Пока Андрей выяснял расписание электричек до родного города, Мила осталась ждать на улице. Она с любопытством наблюдала за прохожими: вот шумная

компания в кафе, вот неспешные пешеходы. Её завораживала гортанная речь, приправленная размашистыми жестами и экспрессивными восклицаниями. Мужчины не сводили с неё глаз. Некоторые подходили, осыпая комплиментами: «Э, какой дэвушка! Красивый!», предлагали подвезти: «Отвезу, куда скажешь, будэшь довольна!», или звали в кафе: «Из Москвы прилетел? Кушать хочешь? Пойдем шашлык-машлык, вина попьем!».

В грузинском языке нет понятий мужского или женского рода, поэтому, они часто путают «он» и «она» и говорят «он- девушка, он- булка». Грузинские мужчины – истинные поклонники женской красоты, но при этом они не обделяют вниманием абсолютно всех девушек. Закрутят голову и заговорят комплиментами так, что даже самая неуверенная в себе и непривлекательная внешне девушка почувствует себя «каралэвай».

Грузины часто повышают голос, но не потому, что ссорятся или злятся. Просто в их языке нет ударений и поэтому смысловые акценты расставляются с помощью повышением интонации, отчего иностранцам кажется, что вокруг разгорается скандал.

А чего стоят их слова, состоящие из одних лишь согласных! Взять хотя бы «вепхисткали» — «витязь в тигровой шкуре». Звучит почти угрожающе. Или,например, вефхвтмбрдгвнели – «убийца тигров». Звучит страшно.

Электричек не было, и до города пришлось добираться на такси. Водитель, колоритный мужчина с густым акцентом, без умолку расхваливал Грузию — так страстно, будто пытался продать её нам прямо на ходу. При этом он лихо гнал свою видавшую виды «Волгу» по горному серпантину, выписывая такие зигзаги, что слова застревали в горле. Мила, заразившись общим весельем, смеялась и подшучивала над водителем, в то время как Андрей, вцепившись в сиденье, не сводил глаз с дороги, храня угрюмое молчание.Мила с удовольствием шутила и смеялась, а Андрей молча и сосредоточено смотрел на дорогу и никак не реагировал на разговоры.

Знакомство с родителями обернулось для Милы настоящим кошмаром. Девушка, чья душа была соткана из поэзии, бардовских песен и искренней, почти детской открытости, с первой же минуты столкнулась с ледяной стеной неприязни. Взгляд матери Андрея был полон затаенной ненависти, а демонстративное игнорирование ранило больнее любых слов. Даже Андрей чувствовал себя неуютно под перекрестным допросом матери, которая с пристрастием выясняла, кто такая эта «гостья» и зачем она понадобилась её сыну. Когда же прозвучало признание о беременности, женщина лишь бросила в ответ, что внуки ей не нужны.

Все время, проведенное «в гостях» Мила переживала, закрывшись в комнате, старалась лишний раз не сталкиваться с хозяевами и рвалась назад в Москву. В квартире родителей не было горячей воды, поэтому воду грели в ведрах и носили в ванную, чтобы помыться и постирать. Однажды, когда Мила попросила Андрея помочь с водой для стирки, его мать, словно коршун, сорвалась с места. Вырвав ведра из рук сына, она закричала, что её кровиночка не станет заниматься «бабскими» делами.

Андрей растерянно посмотрел на мать:

— Мам, она же беременна. Ей нельзя поднимать тяжести.

— Ничего с ней не случится, — отрезала та, даже не обернувшись. — Я тоже носила детей, и никто вокруг меня не прыгал.

Андрей молча поставил ведра обратно на плиту и, не проронив больше ни слова, вышел из кухни.

— Давай, шевелись! — зло бросила будущая свекровь, глядя на невестку. — Бери и неси. За тебя здесь никто работать не будет.

Как же было ей плохо и одиноко, она считала дни до отъезда, как заключенная- до конца срока, а Андрей нашептывал ей: «Потерпи, у нас так принято, не хочу расстраивать маму. Вот вернемся домой, я буду тебе помогать».

А «принято» у них было своеобразно. Мужчина в доме – главный. Его сажают в красный угол и начинают кружить вокруг него, предлагая еду, питье, газету, общение и все, что он захочет. Мать Андрея за полчаса до прихода мужа с работы дежурила у окна и, завидев, как он идет к дому, срывалась с места и влетала на кухню. Начиналась лихорадочная суета: в бешеном темпе разогревались десятки блюд, приготовленных с утра, сервировался стол. К тому моменту, как муж переступал порог, в столовой уже разливался аромат дымящегося харчо, в хрустальном графине искрилось охлажденное вино, а на тарелках красовались горячие хача-

пури. И сама хозяйка, затаив дыхание, ждала лишь одного движения его бровей, чтобы броситься исполнять любую прихоть.

Мила смотрела на эту сцену, как на странный, пугающий спектакль, где у каждого была заученная роль. Она видела, как свекровь, еще минуту назад командовавшая ею с ледяной жестокостью, похожая на ведьму их страшной сказки, преображалась, стоило мужу войти в дом. Ее лицо менялось, голос становился елейным, а движения — суетливыми и заискивающими.

Андрей же, наблюдая за этим ритуалом, лишь одобрительно кивал, словно подтверждая негласный закон: так и должно быть. В его глазах читалось одобрение человека, уверенного в незыблемости миропорядка. Он не видел в этом унижения матери — он видел в этом «порядок».

— Видишь? — сказал он ей как-то вечером, когда в доме наконец воцарилась тишина. — Мама счастлива, когда папа доволен. Это и есть настоящая семья.

Она молчала, боясь признаться даже самой себе, что такая «счастливая» семья кажется ей зоной особого режима, где вместо решетки — традиции, а вместо замка — страх не угодить. Она смотрела на свои руки, покрасневшие от ледяной воды и тяжелых ведер, и чувствовала, как внутри, вместе с растущей жизнью, зреет глухое, почти осязаемое сопротивление.

Ей хотелось крикнуть, что любовь — это не прислуживание, что уважение не измеряется количеством хачапури на столе, а мужчина — не идол, требующий жертв. Но она лишь плотнее куталась в шаль, чувствуя, как холод этого дома проникает под кожу, и снова, уже в который раз, мысленно перелистывала календарь, отсчитывая часы до того момента, когда за ними закроется дверь этого чужого дома и начнется их собственная, другая жизнь. Если, конечно, Андрей действительно сможет оставить этот «порядок» здесь, за порогом родительского дома.

Но с каждым днем эта надежда становилась всё призрачнее. Она видела, как Андрей, едва переступив порог родительского дома, заметно менялся: его плечи расправлялись, взгляд становился властным, а голос — чуть громче, чем того требовала ситуация. Он начинал говорить с ней тоном отца, а иногда, сам того не замечая, повторял интонации матери, когда та отчитывала её за все, что она делала или не делала.

Однажды вечером, когда свекор, сытый и довольный, ушел в гостиную смотреть новости, а свекровь, утомленная «ритуалом», присела передохнуть, Андрей подошел к ней и, не глядя в глаза, произнес:

— Ты сегодня как-то нерадостно подавала вино. Отец заметил. Постарайся завтра быть внимательнее к отцу, не позорь меня.

Эти слова ударили сильнее, чем любая физическая усталость. Она замерла, чувствуя, как внутри что-то надломилось — тонко, почти неслышно, но бесповоротно. В этот момент она поняла: Андрей не собирается оставлять этот «порядок» за порогом. Он не ждет отъезда, чтобы начать новую жизнь — он ждет, когда она станет такой же, как его мать. Когда она научится предугадывать его желания по движению бровей, когда забудет о своей боли ради его комфорта и когда её собственное «я» окончательно растворится в бесконечном обслуживании его эго.

Она посмотрела на него — на человека, которого, как ей казалось, она знала, — и вдруг увидела чужака. В его глазах не было сочувствия, лишь холодное ожидание того, что она примет правила игры.

— Я не буду, — тихо сказала она, и её голос, к её собственному удивлению, прозвучал твердо.

Андрей вскинул голову, удивленный её непокорностью.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что не буду играть в этот спектакль, Андрей. Ни завтра, ни когда-либо еще. Я приехала сюда как твоя жена, а не как прислуга, и мой ребенок — это не повод для того, чтобы я ломала себя ради ваших своеобразных игрищ.

В кухне повисла тяжелая, звенящая тишина. Свекровь, до этого момента казавшаяся задремавшей, резко открыла глаза. В воздухе запахло грозой, и она поняла: обратного пути больше нет. Либо она сейчас прогнется под этот «порядок» окончательно, либо этот дом станет для неё полем битвы, на котором она рискует потерять не только покой, но и саму себя.

Свекровь медленно поднялась со стула. В её движениях больше не было той суетливой поспешности, с которой она металась между плитой и столом. Теперь она двигалась плавно, почти хищно, словно старая кошка, учуявшая угрозу своей территории.

— Ты слышал, сынок? — голос женщины был тихим, вкрадчивым, но от него по спине пробежал холодок. — Она не будет играть. Она приехала сюда «женой».

Андрей замялся. Он переводил взгляд с матери на жену, и в этом взгляде читалась не поддержка, а растерянность. Он был зажат между двумя огнями, и, судя по тому, как он опустил глаза, выбор был сделан задолго до этого разговора.

— Мам, она просто устала, — пробормотал он, пытаясь сгладить углы, но в его голосе не было защиты. — Мил, ну зачем ты сейчас? Пойдем, я помогу тебе донести эти проклятые ведра, только не начинай, не позорь меня.

— Поможешь? — она усмехнулась, глядя на мужа как на незнакомца. — Ты не помогать должен, Андрей. Ты должен был сказать им, что мне нельзя, ты знаешь почему. Ты должен был защитить меня, а не просить «потерпеть».

Свекровь подошла ближе, остановившись в шаге от неё. От неё пахло специями, жареным луком и тем самым удушливым, въевшимся в кожу запахом «правильной жизни».

— В этом доме— прошипела она, — женщина — это не «я». Женщина — это фундамент. А фундамент не имеет права голоса, он должен просто держать на себе всё здание. Если ты не хочешь быть фундаментом, ты не нужна нам, ты здесь лишняя

— Значит, я лишняя, — ответила она, чувствуя, как внутри, вопреки страху, разливается странное, пугающее спокойствие.

Она развернулась и вышла из кухни. В коридоре было темно и прохладно. Она не знала, куда идет, не знала, где возьмет деньги на билет, не знала, как будет объяснять всё родителям. Но впервые за эти недели она дышала полной грудью.

Сзади послышались быстрые шаги Андрея. Он догнал её у входной двери, схватил за локоть, пытаясь развернуть к себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.